

Elena Kisiel

Особенности метафорической функциональной семантизации и характеристики личных местоимений в лирике русских и белорусских поэтов XX века

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 209-226

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Elena Kisiel

Białoruski Uniwersytet Państwowy
Mińsk, Białoruś

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ И ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В ЛИРИКЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Ключевые слова: *личные местоимения, референция, функциональная семантизация, функциональная характеристика, метафорическая номинация*

Понятие референции применительно к лирическому произведению подразумевает выдвигание в его центр фигуры, от лица которой (или о которой) ведется речь, иными словами – лирического персонажа. Традиционно как референт стихотворных произведений рассматривается лирический герой. Одновременно как референт лирического произведения могут восприниматься также лирический адресат и субъект лирики (Ю.Н. Тынянов, Т.И. Сильман, И.А. Ионов, Ю.М. Лотман, С.Н. Бройтман, Б.О. Корман и др.).

Основным способом репрезентации лирического персонажа в поэзии является местоимение: «именно местоимение содержит в себе ту меру и ту степень информации, которая как раз и требуется лирике»¹. Однако при необходимости актуализировать ту или иную черту образа лирического персонажа, значение личного местоимения (ЛМ) может быть конкретизировано при помощи субстантивизации-предиката: *Я ребенок* (К. Бальмонт); *Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза* (В. Маяковский). Данный процесс может быть определен как **функциональная семантизация ЛМ**².

Как правило, семантизация ЛМ в поэтическом тексте сочетается с характеристикой, внутренней (заключённой в самом субстантиве-предикате), или внешней (выраженной атрибутивными, генитивными и др. формами – распространителями

¹ Т.И. Сильман, *Синтаксико-стилистические особенности местоимений*, „Вопросы языкознания” 1970, № 4, с. 89.

² Е.В. Кисель, *Функциональная семантизация и характеристика личных местоимений*, „Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова” 2012, Серия А. Гуманитарные науки, № 2 (40), с. 95.

предиката). Ср.: **Я – пралетар** (Я. Купала); **Я – эллин влюбленный** (К. Бальмонт). При наличии в тексте антецедента ЛМ (который, как правило, указывается в заголовке) предикатная часть конструкции с субъектом, выраженным личным местоимением, выступает как средство функциональной **характеризации ЛМ**³: **Я сумрачный, я гордый паладин** («Крестоносец» К. Бальмонт) **Я – демократ!** («Иван Иванович Гонорарчиков» В. Маяковский). Функциональная семантизация/характеризация ЛМ в поэтическом тексте может осуществляться не только при помощи конструкций модели Pronomen Substantive, но и посредством постпозитивных обращения и обособленного приложения (Pronomen Vocative и Pronomen Substantive_{прил.}).

Функциональная семантизация/характеризация ЛМ – это один из наиболее эффективных способов экспликации образа лирического героя. Анализ всех случаев семантизации/характеризации ЛМ в произведениях определенного автора позволяет проследить все перевоплощения лирического героя и вывести совокупный образ (облик) лирического «я» в идиостиле поэта⁴.

Референция ЛМ в конструкциях, где местоимение выступает как субъект, а субстантив как предикат может быть прямой или непрямой. Непрямая референция осуществляется, например, при экспликации лирического референта как предмет, явление природы или же абстрактное понятие: **Я – облачко**; (К. Бальмонт); **Я – паку-та, пакута, але не атрута** (Д. Бичель-Загнетова). Конкретизации референта при непрямой референции не происходит: мы не можем утверждать, что лирический герой действительно выступает в качестве «семечка», «облачка», полностью сливаясь с данным образом, выполняя все соответствующие функции, как это бывает при функциональной семантизации ЛМ⁵.

Кроме того, рассматриваемые нами примеры экспликации ЛМ могут быть преобразованы в сравнительные конструкции путем подстановки союза «как», непрямая референция ЛМ в данном случае осуществляется при помощи метафор. Подобное явление описано в работе О.Н. Гуцалюк как «образная номинация референта» (при этом, однако, конструкции функциональной экспликации ЛМ остались за пределами научных интересов автора)⁶.

Цель нашего исследования – выявление особенностей функционирования метафорических конструкций функциональной семантизации/характеризации ЛМ в творчестве русских и белорусских поэтов.

³ Там же, с. 97.

⁴ В соответствии с трактовкой Ю.Н. Тынянова, мы понимаем лирическое «Я» как единый референт, претерпевающий перевоплощение в различных произведениях автора. По мнению Ю.Н. Тынянова, даже то, что мы воспринимаем в лирике как «личность автора», является не создателем, но жителем созданного мира. Это понятие в какой-то мере объединяет «личность автора» с другими «жителями художественного мира» (см.: Ю.Н. Тынянов, *Проблемы стихотворного анализа*, Москва 1965, с. 83).

⁵ Полное слияние с образом при таких экспликаторах ЛМ характерно лишь для ролевой лирики, в которой лирический объект может являться в том числе понятием или предметом.

⁶ О.Н. Гуцалюк, *Типы и функции номинаций персонажа: (на материале романов М.А. Булгакова „Мастер и Маргарита” и В.В. Набокова „Лолита”)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01, Москва 2010.

Материалом для исследования послужило творчество К. Бальмонта, Я. Купалы, В. Маяковского, М. Танка, Б. Ахмадулиной и Д. Бичель-Загнетовой. В процессе исследования было обработано более 2000 лирических произведений, выделено более 500 метафорических местоименно-субстантивных конструкций. Соотношение прямых и не прямых номинаций референтов личных местоимений в индивидуально-авторских художественных системах представлено в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Характеризующая функция метафоры в тексте отмечена многими лингвистами и литературоведами (В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская, С.В. Феофилактова, Б.П. Иванюк и др.). Неоднократно учеными указывалось, что для метафоры форма «субъект – предикат» (или предмет-предикат) является одной из наиболее типичных⁷. В частности, И.А. Ионова отмечает подобные конструкции при семантизации личного местоимения, называя его при этом «Функциональным Я»⁸.

В ходе исследования мы установили, что в текстах русских и белорусских поэтов XX века встречаются две основные разновидности функциональной метафорической семантизации ЛМ, с различными механизмами раскрытия значения местоимений и, следовательно, с разными изобразительно-художественными функциями.

1. Вторичная номинация референта на основе сопоставления (образная номинация). Механизм создания таких метафор широко известен: «...с точки зрения лингвистики, метафора есть перенос концепта на новый тип денотата»⁹. Иными словами, «два предмета из разных логических классов отождествляются

⁷ См. например: Б.П. Иванюк, *Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования)*, Черновцы 1998, с. 117; Л. Зельцер, *Выразительный мир художественного произведения*, Москва 2001, с. 320-322.

⁸ И.А. Ионова, *Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии*, Кишинев 1989, с. 19-21.

⁹ Л.И. Ибраев, *Слово и образ. К проблеме соотношения лингвистики и поэтики*, „Филологические науки” 1981, № 1, с. 19.

на основе общих признаков и свойств»¹⁰. При функциональной метафорической экспликации ЛМ одним из компонентов сравнения является личность лирического персонажа, т.е. референт повествования, обозначенный местоимением. В роли второго компонента выступает субстантив-предикат, причем наличие общих с референтом-местоимением свойств часто уточняется при помощи атрибута или текстовых реалий: **Я птица вольная** (К. Бальмонт); **Дзякуй шлю вам, шмялям слепавокім** (Я. Купала); **Я – зацяганы конь-біцюг** (М. Танк); **Я, салігорскае дно**, // *Плачу шмат і даўно* (Д. Бичель-Загнетова). При этом основная информация о референте сообщается именно с помощью атрибута или текстовых реалий, вплоть до того, что в отдельных случаях субстантив-метафора может быть изъят из конструкции практически без ущерба для смысла высказывания. Таким образом, признак, на основе которого производится сопоставление, указан в тексте или без труда угадывается читателем. К примеру, конструкция Pronomen Substantive **Я – валюшка, а даткнешся – асака** (Д. Бичель-Загнетова) позволяет предположить, что основой для сопоставления служит такое свойство указанных растений, как «колючие». Данное свойство переносится на внутренние качества, становится метафорическим обозначением состояния главного героя.

Несмотря на то что предварительной конкретизации ЛМ в тексте или заглавии не происходит, референт в подобных произведениях однозначно воспринимается читателем как личность (или совокупность личностей), вне зависимости от того, о ком идет речь: лирическом герое, адресате или персонаже: **Мы – Азія і Еўропа**. // *Між нас Уральскі ланцуг – // твая хвароба* (Д. Бичель-Загнетова). При помощи подобных номинаций, по мнению Н.А. Земляковой, могут обозначаться внешность, физические и нравственные качества референта, его характер, возраст, поведение, социальный статус и т.д.¹¹.

Метафорические субстантивы-экспликативы часто имеют семы оценки: «**О, ты змея!**» – // *Шепнула мне, слабея, Лада*. (К. Бальмонт); *О, стыд і ганьба вам, сляпні...* (Я. Купала); *...Аб чым ніколі забываць // Не раім вам, о змеі!* (М. Танк).

К метафорически характеризующим референта местоименно-субстантивным конструкциям обращаются все поэты, чье творчество стало материалом для наших наблюдений. При этом и русские, и белорусские авторы для метафор подобного рода используют в основном продуктивные структурно-семантические модели образных наименований человека (наиболее распространенные из них выделены Н.А. Земляковой): «животное – человек», «растение – человек», «предмет – человек», «природное явление – человек», «человек – абстрактное понятие»¹².

1.1. Функциональная метафорическая характеристика ЛМ может рассматриваться как разновидность метафорического сопоставления, наблюдаемая при наличии в тексте или заглавии лирического произведения антецедента ЛМ. Поскольку антецедентом может служить любой субстантив, метафорическая характеристика

¹⁰ В.А. Маслова, *Лингвокультурология*, Москва, с. 89.

¹¹ Н.А. Землякова, *Устойчивые образные номинации человека структурно-семантический и лексикографический аспекты*, автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01, Краснодар 2005, с. 20.

¹² Там же.

ЛМ может осуществляться и в отношении референтов не-личностей: *Соловей – Он в звуке – всей любви рассказ. // Он – скрипки брызжащий алмаз* (К. Бальмонт); *Испания! Ты – незагоенная рана ў сэрцы...* (М. Танк). Поскольку референт эксплицирован в заголовке, он не сливается с иным образом, а уподобляется ему: «соловей – любви рассказ», «Испания – незагоенная рана». Взаимодействие ЛМ с антецедентом и субстантивом-предикатом может быть линейно изображено следующим образом:

Основная номинация → ЛМ → нетипичная, образная номинация

ЛМ в данном случае является посредником между номинацией основной и номинацией образной, а субстантивно-местоименные конструкции призваны актуализировать метафору, сделать сопоставление наиболее реалистичным, акцентировать внимание читателя на образной номинации как значимой части образа лирического персонажа.

2. Метафорическое отождествление или же **слияние референта с иным образом**. Способность авторов и их персонажей к художественному перевоплощению подчеркивают сами поэты: «Поэт – стихия. Ему любо принимать разнообразнейшие лики, и в каждом лике он самотождественен. Он льнёт любовно ко всему, и всё входит в его душу, как солнце, влага и воздух входят в растение...»¹³, «...я, которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем»¹⁴. С учетом того, что, по мнению Новалиса, метафора «представляет собой в самом действительном смысле тождество субъекта и объекта, души и внешнего мира», – в цикл перевоплощений лирического героя могут включаться и метафоризированные «маски», относящиеся к неодушевленному миру, явлениям природы, сверхъестественным явлениям, абстрактным понятиям и т.п.¹⁵ При этом имеет место не просто завуалированное сравнение: лирический герой в определенный момент действия сливается с предложенным автором образом: *Я неясный иней охлаждения; Я лунный луч. Я – изысканный стих* (К. Бальмонт). Отсутствие формально выявленного сравнения подчеркивает это слияние. Метафорическое отождествление явлений природы и душевной жизни, в частности, в творчестве К. Бальмонта рассматривает В. Жирмунский, приходя к выводу, что в подобных случаях имеет место психологический параллелизм. Как форму отождествления В. Жирмунский отмечает лирический монолог от 1-го лица¹⁶.

Таким образом, при рассматриваемом типе экспликации ЛМ референт, изначально понимаемый как личность, осознанно принимает иной образ на определенном участке текста. Этот тип функциональной метафорической характеристики ЛМ отличается, на наш взгляд, широким художественным потенциалом в лирическом произведении. Так, с его помощью может эксплицироваться разнообразие «масок», принимаемых лирическим персонажем, выражаться многогранность его натуры и обнаруживаться близость лирического героя к природным яв-

¹³ Н.В. Банников, *Жизнь и поэзия Бальмонта*, [в]: К.Д. Бальмонт, *Солнечная пряжа: Стихи, очерки*, Москва 1989, с. 12.

¹⁴ И.Ф. Анненский, *Книги отражений*, Москва 1979, с. 103.

¹⁵ Новалис, *Фрагменты*, [в]: *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*, Москва 1980, с. 99.

¹⁶ В. Жирмунский, *Поэтика русской поэзии*, Санкт-Петербург 2001, с. 195.

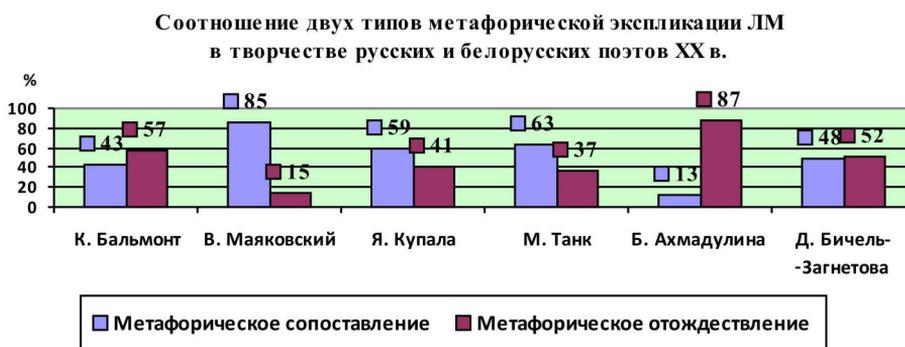
лениям, окружающему миру, абстрактным понятиям, оказывающим влияние на судьбу героя, формирующим его характер или являющимся причиной его состояния: *Я – внезапный излом, // Я – играющий гром, // Я – прозрачный ручей, // Я – для всех и ничей* (К. Бальмонт). При этом связь героя с окружающими реалиями может выражаться опосредованно, при помощи/неродственные отношения с природным явлением, предметом или абстрактным понятием: *Я брат не людям, а буре и ветру; Сын Земли я и Дня* (К. Бальмонт) *Я сын землі і сонця вольны сын!* (Я. Купала) *Я – полям брат...* (М. Танк).

Связь персонажа с окружающим миром, его единение с природой могут выявляться и непосредственно, в номинациях референта как явления природы. В данном случае имеет место не просто родство с природой, а непосредственное слияние с ней, взаимопроникновение героя и окружающей среды: *Я вольный ветер, я вечно вею, // Ласкаю волны, ласкаю ивы...* (К. Бальмонт); *Я – вецер той, што слёзна ў сонным полі // I ў буйным лесе вые сіратой...* (Я. Купала); *Ты мяне, зерне, пасеяў тут – // я тут расту...* (Д. Бичель-Загнетова).

Процессы функциональной метафорической семантизации/характеризации характерны для творчества как русских, так и белорусских поэтов XX века.

Однако доминирование того или иного типа метафорической экспликации, а также семантического типа номинации в творчестве разных авторов существенно различается (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

1. К. Бальмонт. Метафора пронизывает все творчество К. Бальмонта: «в языке поэтов эпохи символизма метафорический стиль является одним из наиболее существенных признаков романтического искусства»¹⁷.

При функциональном метафорическом сопоставлении личностные качества лирического героя или адресата в поэзии К. Бальмонта нередко актуализируются при помощи предметной номинации (см. диаграммы 3 и 4).

¹⁷ Там же, с. 163.

Диаграмма 3

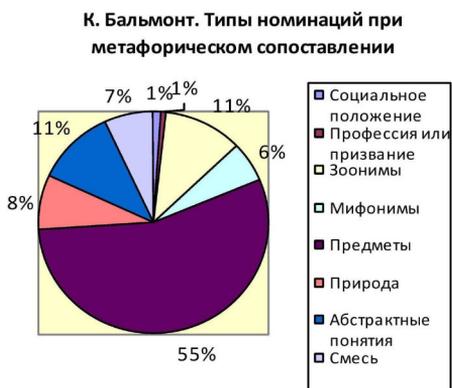
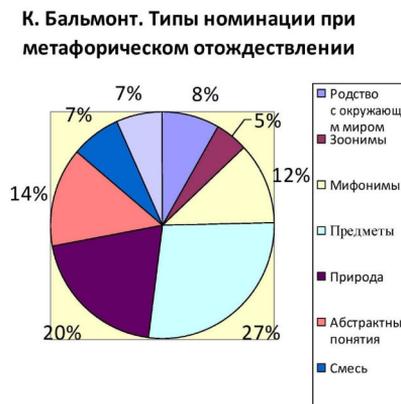

Диаграмма 4

Как видно из диаграммы, автор подчеркивает творческие способности лирического героя, определяет его место во Вселенной, в искусстве: *Я был вам звенящей струной; Горящий атом, я лечу... Я – письмен безвестных странный знак, // Вписан – да, но для чего – не знаю; В безмерном Всё // я только быстрый атом. В весне манящей // Я стих звенящий. Я возглас боли, // я крик тоски. Я зеркало ликом земных. В пустыне я – лишь вскрик предтечи...* (К. Бальмонт). При экспликации лирического адресата, как правило, автор подчеркивает его личностные качества, загадочность, неуловимость его образа: *А ты песок на мертвых берегах. Ты восклицанье без ответа. Ты – отблеск зарницы, // ты – отзвук загадочной песни без слов...* (К. Бальмонт). При экспликации ЛМ «Мы», при таком референциальном наполнении как «Мы-Общечеловеческое»¹⁸ метафорическое сопоставление используется автором для выражения сиюминутности человеческого бытия, разобщенности человечества: *Мы – запутанные строки, // Раздробленные скрижали. Мы – отзвуки тысячных отзвуков от звука нездеших громов* (К. Бальмонт).

При актуализации личностных качеств лирического персонажа К. Бальмонт прибегает и к номинациям природных явлений и реалий. В данный класс наименований нами включаются, помимо флористических номинаций, субстантивы, обозначающие времена года, времена суток, названия небесных объектов, стихийных явлений. Личность лирического героя, выраженная при помощи ЛМ, может сопоставляться как с явлениями, несущими свет, жизнь, так и с разрушительными природными явлениями: *Но зренью светлых – я рассвет! Что весь пред тобой я – весна. И я бегу, бегу людей, // Среди людей – самум. Я между смертными – падушая звезда* (К. Бальмонт). Лирический адресат (который, как правило, ассоциируется с возлюбленной лирического героя), чаще определяется и характеризуется как жизнеутверждающее начало: «в связи с романтическим

¹⁸ При помощи подобных конструкций традиционно обозначается своеобразие семантики личных местоимений, появляющейся в результате их заменяемости в тексте. И.А. Ионова использует эти конструкции для описания способов семантизации ЛМ в поэтических произведениях (см.: И.А. Ионова, *Эстетическая продуктивность...*, с. 20-23).

переживанием любви как таинственной и чудесной встречи с единственной возлюбленной, сказочной царевной, образ любимой просветляется и одухотворяется с помощью приемов метафорической поэтизации»¹⁹: *А верба душистая – ты. Ты – Солнце во мраке ненастья... Ты – жгучему сердцу роса!* (К. Бальмонт). При референции «Мы-Общечеловеческого» с помощью номинаций данного типа выражается ничтожность рода людского по сравнению с вечностью, недолговечность, непрочность человечества: *Мы – несколько маленьких раковин близ кипенья бессмертных морей. Мы – белые тучки, чуть видные, бахрома разорвавшихся гроз. Мы – стебли былинки, что выросли на разбитой стене крепостной* (К. Бальмонт).

Резкие противоречия в натуре лирического героя К. Бальмонта (противопоставление разрушающего и созидющего начала) обнажаются и при помощи метафорического сопоставления с абстрактными явлениями и понятиями: *Я был для тебя наслажденье... Я был для тебя страданье... Я мертвая тяжесть, – от вольного света. Я весь в себе – восторг и страх* (К. Бальмонт). При помощи метафор такого типа может подчеркиваться также страстность, порывистость натуры лирического героя: *Я весь – порыв... Я весь желанье... Я вечная сила // Души полновольной* (К. Бальмонт). Светлый образ «Лирического Ты» нередко раскрывается автором через знак равенства с абстрактными понятиями: *Тебя я хочу, мое счастье, // Моя неземная краса! Ты моя одна – бессмертная любовь! Только ты мне отрада и правый мой суд... Ты светлая радость воздушно-го сна, // Восторг, но восторг не влюбленный* (К. Бальмонт)

В качестве метафорических номинаций, выражающих личностные черты лирического персонажа, К. Бальмонт использует также зоонимы. Чаще всего автор сопоставляет лирического героя/адресата с птицей или змеей, актуализируя при этом такие черты его образа, как внутренняя свобода, склонность к творчеству, хитрость, гибкость: *Хочу я быть птичкой запевшей... Я птица вольная. Я птица между птиц. Я хитрый змей... Будешь ты вечно моею, о птичка моя. Но кто же ты – волчица?* (К. Бальмонт).

Возвышенность образа лирического персонажа, его нетипичность проявляются в творчестве К. Бальмонта в редко встречающихся конструкциях функциональной метафорической экспликации ЛМ, характеризующих субъекта по социальному положению, по профессиональной деятельности или по принадлежности к сверхъестественному: *Ты солнечный богач. «Златой ткач (Ты); Я – Волшебный Фей, // Мне мой смех – закон. Я – светлый бог, когда целую!* (К. Бальмонт).

В. Жирмунский утверждает: «Своеобразием метафорического стиля Бальмонта является... факт метафорической спиритуализации, развеществления и очеловечивания внешнего мира, постепенного метафорического наделения его свойствами души самого поэта»²⁰. Видимо, поэтому в его творчестве при метафорической экспликации ЛМ отождествление доминирует над сопоставлением (см. диагр. 2). Лирический персонаж поэта не сравнивается с явлениями окружающего мира, а сливается с ними, чувствует себя их частицей. Конструкции функциональной метафорической экспликации ЛМ актуализируют многоликость лириче-

¹⁹ В. Жирмунский, *Поэтика русской поэзии...*, с. 195.

²⁰ Там же, с. 196.

ского героя, подчеркивают опосредованное (при помощи терминов родства) и непосредственное слияние героя с окружающим миром. Наиболее актуальным для творчества К. Бальмонта является перевоплощение лирического героя в предметы, явления природы, мифологических существ, абстрактные явления и понятия (см. диаграмму 3): *Я тревожный призрак... Я – призрак дней, а мир – туман. Я дух бесстрастный, дух бесприютный. Я гномий царь. Я темный дух... Я, утро апрелей... Я вольный ветер, я вечно вею, // Ласкаю волны, ласкаю ивы... Я лунный луч. Я – прохладный ручей... Я весь гроза. Я – облачко. Я семечко. Я смерть. Я страх. Я свет весны... Воля я. Сила я. Я – изысканность русской медлительной речи...* (К. Бальмонт). Отождествление образа лирического героя, т.е. воплощение его в иную, романтическую ипостась, также призвано обозначить определенные черты характера и функции героя в мире. Лирическому герою К. Бальмонта свойственно не только стремление слиться с темными мистическими и стихийными началами, но и желание перевоплотиться во что-то светлое, радостное, праздничное, т.е. он открыт и увяданию, и возрождению, бытию и небытию одновременно.

2. В. Маяковский. Из всех русских и белорусских авторов, чье творчество нами исследовано, В. Маяковский реже других актуализирует личностные черты своего лирического персонажа при помощи метафорической семантизации/характеризации ЛМ. При этом им, как правило, используется метафорасопоставление (см. диаграмму 5), которое может употребляться как по отношению к лирическому герою, так и по отношению к адресату или герою ролевой лирики: *Я в семействе барин! Где вы, сеятели правды или звезд сиятели?* (В. Маяковский).

Диаграмма 5

В. Маяковский. Типы номинаций при метафорическом сопоставлении и отождествлении

Характерными для лирики В. Маяковского являются метафорические конструкции с зоонимами и названиями предметов, благодаря которым качества и характеристики героя угадываются читателем без труда: *Что я – попугай? индейка? Вы, над облаками рея, птица в человечесий рост. Вы, мусье, из канареек, чижик вы, мусье, и дрозд. Вот иду я, заморский страус, в перьях строф, размеров*

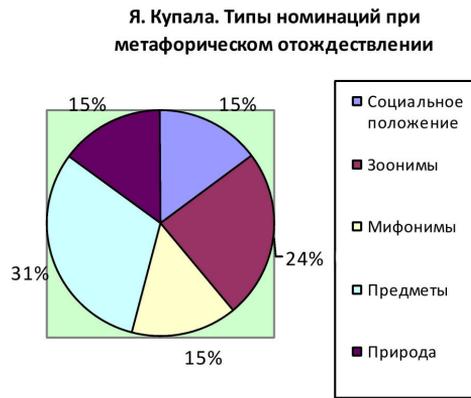
и рифм. Но я, разумеется, не **фотографический аппарат**. Если ты – не дуб, не осень... Вот – я, весь боль и ушиб (В. Маяковский). К приему метафорического перевоплощения героя автор обращается крайне редко: **Я железо** – этот май мой! (В. Маяковский).

3. Я. Купала. В творчестве Я. Купалы метафорика чаще всего несет прагматическую нагрузку, выполняя эмоционально-экспрессивную, а не концептуально-моделирующую функцию²¹. Образная номинация референта не является частотным явлением в творчестве Я. Купалы. При функциональной метафорической семантизации ЛМ поэт, однако, обращается как к отождествлению так и к сопоставлению лирического персонажа с явлениями и понятиями окружающего мира (см. диаграммы 6 и 7).

Диаграмма 6

Диаграмма 7

Метафорическое сопоставление в местоименно-субстантивных конструкциях автор, как правило, использует, чтобы выразить отношение лирического героя к адресату или персонажу, дать ему оценку: *Дзякуй шлю вам, шмялям слепавакім... А вы, ўпыры, вы, крывапіўцы... О, стыд і ганьба вам, сляпні...Блудзіў на вуліцы я тэй, дзе сустрачаў яе, // Яе – не ўцямлю – шчасце ці сваё няшчасце... Калодаю, дружа, ты будзь...* (Я. Купала). При сопоставлении лирического героя с природными реалиями или абстрактными явлениями характерны конструкции экспликации ЛМ с частицей «не», выражающие отторжение героем определенных функций в мире, обществе, неприятие каких-то черт характера: *Я не звон, што час нам ліча... Я не вецер вольны, спраўны... Я не гром, што светлы крыша...// І людзям законы піша // І на веча праўду кліча* (Я. Купала).

Для героя Я. Купалы характерно также прямое и опосредованное отождествление лирического героя с явлениями природы, частицами родного пейзажа: **Я – шлях**,

²¹ С.Б. Кураш, *Паэтычная метафорыка ў аспекце ўніверсальнага і нацыянальна-спецыфічнага: (на матэрыяле беларускай і рускай паэзіі)*, [в:] *Восточные славяне: историческая и духовная общность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Общества Кирилла Туровского*, Гомель 2008, с. 177-181.

якому век няма спакою // Ні ў чорны дзень, ні ў месячную ноч... **Я – вецер** той, што слёзна ў сонным полі // І ў буйным лесе вые сіратой... **Што роднай нівы я мільённая часціна...** **Я сын зямлі і сонца вольны сын!** **Я – ветру**, а мне вецер друг адзін... (Я. Купала). Знаковой для творчства Я. Купалы яўляецца такая номінацыя як **я, сын бяды**, дапаўняючая образ неустраеннасці лірычнага героя ў жыцці і тыпічная для творчства беларускіх аўтараў.

4. М. Танк. По набліжэнням ісследаватэлей, ў творчстве М. Танка сустрачаюцца разлічныя тыпы метафара. Азначаецца, ў частнасці, любовь паэта к дынамічным глагольным метафара²². Матэрыял, сабраны і прааналізаваны намі, сведчыць аб тым, што метафары, ў аснове якіх ляжыць альбо сапаставленне, альбо отождествленне, часта сустрачаюцца і ў канструкцыях Pronomen Substantive, іспользуемых аўтарам пры стварэнні образа лірычнага персанажа (см. дыяграмы 7 і 8).

Дыяграма 7

Дыяграма 8

В процессе метафоризации ЛМ М. Танк ориентируется на различные семантические характеристики субъекта. Так, метафора может осуществляться на базе номинаций по социальному положению, профессиональной принадлежности: **Я – твой верны** // **Здраджаны слуга**, // **Прынёс табе** // **Страшную вестку...** **І пра цябе, ўладар машын, станкоў...** (Партыя) **Я – адзін з яе радавых** (М. Танк). Особое место в лирике М. Танка занимают метафоры, основанные на структурно-семантической модели “человек-животное”: **Я – зацяганы конь-біцюг**; **І мы свой мір аберагаць** // **Самааддана ўмеем**, // **Аб чым ніколі забываць** // **Не раім вам, о змеі!** (М. Танк). Распространенной образной номинацией лиц мужского пола является зооним **сокал**, выражающий, как правило, отношение героя ролевой лирики к лирическому адресату: **Вось зараблю// Я на хлеб табе, сокал. ...ты, мой сокал, засні!** **Як цябе кахаць, мой сокалу**, – // **Як цябе кахаць? Заснулі вы**,

²² А.М. Воінава, А.М. Палуян, *Метафара ў творчасці М. Танка*, [в:] *Шамякінскія чытанні „Пісьменнік – Асоба – Час“: матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*, Мазыр 2011, с. 188-194.

сокалы, рана // Ў курганах пясчаных, спакойных (М. Танк). Наконец, с птицами может сопоставляться человеческое сообщество в целом: **Мы ўсе – пералётныя птушкі**, // *Толькі, рыхтуючыся // Пакінуць Зямлю, // Не знаем: // Адкуль на яе прыляцелі // І куды адлятаем* (М. Танк). Развернутые метафоры подобного типа являются частотными в поэзии М. Танка, причем для них, как правило, характерна социальная направленность: с их помощью автор включает лирического персонажа в какую-либо структуру, подчёркивает его неразрывное единство с чем-либо: *Партыя – // Выпрабаваны ў баях карабель. // Я – адна толькі нітка // Ў тых ветразях у пурпуровых, // Я – адна толькі хваля таго акіяна, // Што грудзямі прабіў // У ільдах векавых // Шлях Гальфстрыму, // Шлях сонцу нябачнага рання. Я ў захапленні ад строяў тваіх, // Тваіх бранзалет, завушніц дарагіх, // Такіх дарагіх, што сама ты // Да іх малазначны дадатак* (М. Танк). Развернутые конструкции метафорической экспликации ЛМ могут быть реализованы в форме законченного высказывания, отражающего перемены, происходящие с образом персонажа: **Ты яшчэ толькі намёк на чалавека**, // *Калі ва ўсім спадзяешся на маці; // Ты яшчэ – чвэрць чалавека, // Калі ва ўсім спадзяешся на дружбу; // Ты толькі – паўчалавека, // Калі ва ўсім спадзяешся на любоў, – // І толькі тады становішся чалавекам, // Калі ўсе могуць спадзявацца // На цябе* (М. Танк) **Кожнаму з нас // Не хацелася быць // Коласам адзінокім // – І мы сталі полем жытнёвым, // Якое корміць свет. // Кожнаму з нас // Горка было б узвышацца // Асобнай вяршыняй – // І мы сталі горным кражам, // Які падпірае плячмі небасхіл. // Кожнаму з нас // Сумна было б // Адчуваць сябе кропляй дажджу, // А ўсе – сталі мы акіянам, // Які несціхана няе. // І калі ўсяго гэтага мала было // Нашым вачам і рукам, // Нашым сэрцам і марам, – // Мы сталі Партыяй** (М. Танк).

Особый интерес в творчестве поэта представляют синкретичные метафорические наименования: **Ты была стакрылай птушкай**, // *Якую я назваў // Здзіўленнем; // Ты была пятай парой года, // І я цябе назваў // Нечаканасцю* (М. Танк). Экспликация «Любовного Ты»²³ происходит при помощи субстантивов, относящихся к различным семантическим типам номинации, кроме того, вторая номинация дается сквозь призму мнения лирического героя: **Ты была і днём і ноччу, // І я назваў цябе Святам; Ты была вінаградным сокам, // І я назваў цябе Прагай, // Ад якой мне ратунку няма** (М. Танк). Различные образные номинации референта сопоставляются и противопоставляются в пределах одной конструкции, позволяя автору формировать нетипичный образ, высвечивая в нём разные грани.

Для лирического героя М. Танка характерно также метафорическое отождествление с предметами, природными явлениями – как правило, имеющими отношение к концепту «малая родина»: **Я – ў кожным пажары, Я – полымя брат...** *Я даваю іх, нават калі буду // Пясчынкай на тваіх шляхах бясконцых, // Сасной на нарчанскім узбярэжжы // Ці жаўруком – прадвеснікам жыцця. Быццам быў я зернем іншым: // Або горшым, або лішнім? ...увесь я // Раска-лыханым званам стаў... Я помню, калі быў слязой дажджавой // На чэртвай шчацэ валуна, // Калі быў звычайнай травой-муравой, // Якую збудзіла вясна; // Я помню, калі*

²³ См. классификацию способов семантизации ЛМ И.А. Ионовой (И.А. Ионина, *Эстетическая продуктивность...*, с. 18-27).

над свінцовай пургой, Прыпаўшы грудзьмі да зямлі, **быў зямлёй**, // Не ведаю толькі, ці ўспомняць яны // Мяне калі-небудзь і гэтыя дні (М. Танк). При помощи конструкций семантизации ЛМ подчеркивается традиционное для белорусское поэзии родство лирического героя с бедой: *І я маюся, сын нядолі, // Загледзеўшыся на Усход: // Нас асвяті ты сонцам волі, // Каб знішчыў пумы мой народ!* (М. Танк).

5. Д. Бичель-Загнетова. Доля непрямой референции при семантизации /характеризации ЛМ в творчестве Д. Бичель-Загнетовой составляет около 20% (см. диаграмму 2), при этом типы номинаций, к которым прибегает автор, отличаются семантической многоплановостью (см. диаграммы 9 и 10).

Диаграмма 9

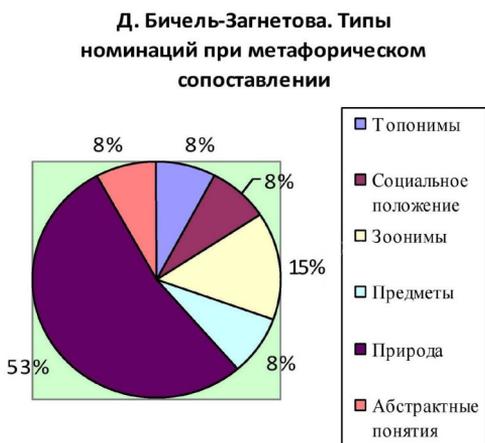

Диаграмма 10

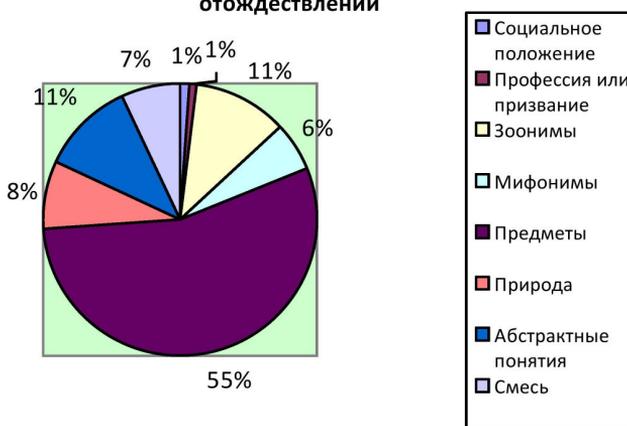
Как показывает языковой материал, среди местоименно-субстантивных конструкций в творчестве Д. Бичель-Загнетовой частотны метафоры, созданные по структурно-семантической модели «человек – природное явление». Так, личностные характеристики лирического персонажа могут выражаться при помощи сопоставления с растением, атмосферным явлением и т.д.: *Я стану дрэвам цвёрдым і вялікім // Пад навалніцай злою не сагнуся; // А для цябе – вярбовая галінка // І каташкамі да цяпла хінуся. Я, салігорскае дно, // Плачу шмат і даўно. ... я – нецярылівы вецер... Ён – асот, а гэтак мягка паглядзеў...* (Д. Бичель-Загнетова). Могут использоваться и другие типы номинаций: *Мы з табой – дзве белыя вароны. Я – пакута, пакута, але не атрута.* (Д. Бичель-Загнетова). Для лирики Д. Бичель-Загнетовой при семантизации ЛМ характерны развернутые метафорические сопоставления. При этом состояние или личностные особенности персонажа часто поясняются далее по тексту: *Калі б ты быў – так падумаю – // не шэрым каменем у бярэзніку чорным, // я з табой і стамілася б і адпачыла б ад стомы. // Ты ж – граніту нязрушная глыба – // назаўсёды замоўкнуў як рыба. Или: Мы – Азія і Еўропа. // Між нас Уральскі ланцуг – // твая хвароба. Сінічка я, // але зракуся мерак // заніжаных, // мае высока кроны* (Д. Бичель-Загнетова).

Создавая образ своего лирического героя, Д. Бичель-Загнетова прибегает к метафорическим психологическим параллелям, отождествлению, как правило, связанному с природой, концептами «родина» или «малая родина»: *Я – іскрынка лясных вачэй – прагну буры...Ты мяне, зерне, пасеяў тут – // я тут расту... Я раптам стану рэхам... Да цябе // Мне, бяскрылай вербачцы, // Пехатой не дайсці... Я знікнула...Але хіба я знічка? Як і ты, я амшэлага плоту дачка. (Павучок) Я, роднага краю доля, дам табе ў рукі меч* (Д. Бичель-Загнетова). Иногда с помощью конструкций метафорической семантизации/характеризации автор подчеркивает единение лирической героини с высшими небесными, божественными силами: *Выходзіць, я не адна, // бо я – дачушка Яго. ...я – Тваё, Ойча, улюбенае дзіця...* (Д. Бичель-Загнетова). Главная героиня может отождествляться и с экзистенциальными понятиями: *Я, смерць, пацалую ў скронь. Я – жывая душа твая...Аднойчы і назаўсёды на ўдачу і на няўдачу каханка твая – свабода – я табе здраджу...* (Д. Бичель-Загнетова).

6. Б. Ахмадулина. Около 20% конструкций функциональной семантизации/характеризации ЛМ в творчестве Б. Ахмадулиной являются метафорическими (см. диаграмму 1), из чего можно сделать вывод о том, насколько важна для поэтессы метафора при актуализации определенных черт лирического персонажа, при создании его образа. При непрямой референции в творчестве Б. Ахмадулиной доминируют местоименно-субстантивные конструкции, при помощи которых осуществляется метафорическое отождествление (см. диагр. 2). Конструкции метафорической экспликации ЛМ, основанные на сопоставлении, встречаются в ее творчестве намного реже и находятся на грани отождествления: *Я не возьму луны, какой ни есть. // Своей хочу! Я ей не раб подлунный. Я призрак двусмысленный и неказистый // поэтов, чья жизнь не затеется снова* (Б. Ахмадулина).

Диаграмма 11

Б. Ахмадулина. Типы номинаций при метафорическом отождествлении

При помощи конструкций метафорического отождествления в творчестве Б. Ахмадулиной, как правило, подчеркивается неразрывная связь референта

с окружающим миром и принадлежность лирического персонажа к нему: «для женщины-поэта счастье состоит не в индивидуалистическом погружении в сокровенные тайны духа, не в забвении реального мира, как это часто бывает в “му-жской” поэзии, а в приобщении к этому миру во всей полноте существования»²⁴. Эта связь может эксплицироваться при помощи терминов родства: *Простит всех живущих на свете // метели вседобрая власть, // и будем мы – баловни, дети // природы, влюбившейся в нас* (Б. Ахмадулина). Лирический герой в рамках метафоры может вступать в деловые или бытовые отношения с природными явлениями: *От неурядиц всей земли // я шла озябшим делегатом... Я – мертвый гость беспечности курортной: // пусть пьет вино, лоснится и хохочет. Все заметней в природе печальной // выражение любви и родства, // словно ты не свидетель случайный, // а виновник ее торжества* (Б. Ахмадулина). Обращают на себя внимание мотивы долга перед собственным даром, вселенной, ученичества: *Я вновь жива и вновь должник // вдали белеющей бумаги. – О господи! Твой худший ученик – я никогда не оскверню бумаги. На горе, в тишине совершенной, // голос древнего пенья возник, // и уже не села, а вселенной // ты участник и бедный должник* (Б. Ахмадулина).

Связь с окружающим миром может выявляться и непосредственно при отождествлении лирического персонажа с природным явлением или абстрактным понятием: – *Ты не ведаешь, что говоришь. // Ты жива и еще не природа. ...Иль Ибсена закрыта книга, // а я – засохший в ней цветок. Я – хаос... Я – свойство дороги, черта и подробность* (Б. Ахмадулина).

В некоторых стихотворениях лирическая героиня Б. Ахмадулиной достигает полного единения с окружающим ее предметным миром и природой: *Я растекаюсь, становлюсь вселенной, мы с нею заодно, мы с ней – одно* (Б. Ахмадулина). По мере того как предметы вокруг нее олицетворяются, наделяются способностью к речи, возможностью мыслить, осмысленно взаимодействовать друг с другом, лирическая героиня теряет черты личности: *Кто я? Возьму державинское слово: // Я – некакий. Я – некий нетопырь, // не тороплив мой род и не строптив // чуть выше обитания земного. Это я – в два часа пополудни // Повитухой добытый трофей* (Б. Ахмадулина). Подобные метафорические конструкции, на наш взгляд, особенно интересны при представлении лирической героини как творческой личности. Если героиня Б. Ахмадулиной самоидентифицируется как «простака», «не педант», то метафорически она отождествляется с предметом, органом или сосудом, необходимым внешним силам для хранения и выражения своей воли, речи: *Я для нее – лишь дудка, чтоб дудеть (для речи); В неловкой позе у стола присев, // располагаю голову и плечи, // чтоб обижал и ранил их процесс, // к устам влекущий восхождение речи. Я – мускул, нужный для ее затей. Я лишь объем, где обитает что-то, // чему малы земные имена* (Б. Ахмадулина). Метафоризация конструкций Pronomen Substantive в поэтических текстах Б. Ахмадулиной может сигнализировать о связи лирической героини с поэтическими традициям прошлого: *Я знак, я намек на былое, на Сороть, //*

²⁴ Е. Новак, *Гендерный компонент в языке поэзии русских и английских авторов XX в.*, [в:] *Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: сб. научн. статей*, в. 4, Минск 2011, с. 257.

как будто сохранны Марина и Анна // и нерасторжимы словесность и совесть. **Я старый глагол в современной обложке** (Б. Ахмадулина). Лирическая героиня не только сливается с предметным миром, ее образ разрастается до космичности, бытийности: **Я – любовь ваша, слухи и басни. Я вам вселенной прихожусь – // чрезмерным множеством молекул. Я погубитель лун и солнц. Прости.// Ты в этом неповинна, печь-сообщик. Я – лишь горы моей подножье, // и бытия величина // в жемчужной раковине ночи // на весь июнь заточена** (Б. Ахмадулина).

Таким образом, конструкции метафорической функциональной семантизации/характеризации ЛМ являются оригинальным и ярким средством создания образа лирического персонажа в поэтических произведениях русских и белорусских авторов XX века. Сочетание своеобразной модели «местоимение-субъект – субстантив-предикат» с метафорическим переносом при конкретизации /характеризации референта позволяет не только заострить внимание читателя на данной персонажу характеристике или оценке, но и выразить эту характеристику (оценку) в нетипичной, образной форме. Особый интерес представляет процесс метафорического отождествления референта с предметами, явлениями природы.

Распространенность конструкций метафорической функциональной семантизации/характеризации ЛМ, а также преобладание метафорического сопоставления или метафорического отождествления в идиостиле тесно связано с общей направленностью творчества поэта, с обобщенными образами лирического «Я», лирического «Ты» и т.д. Так, например, в творчестве К. Бальмонта и Б. Ахмадулиной большое значение приобретают конструкции функционального метафорического отождествления ЛМ, с помощью которых лирический герой сближается с природной средой или окружающим его предметным миром. Для В. Маяковского и Я. Купалы более важно метафорическое сопоставление референта, т.к. это позволяет дать ему оценку. При этом В. Маяковский, характеризуя референта при помощи метафоры, использует в основном зоонимы и предметные номинации, а Я. Купала обращается к лексемам – номинациям природных явлений. Разнообразием в семантическом плане отличаются конструкции функциональной метафорической семантизации/характеризации ЛМ в творчестве М. Танка и Д. Бичель-Загнетовой.

Исследование метафорических конструкций семантизации/характеризации в идиостилах различных авторов позволяет прояснить отношения в рамках семантических оппозиций «персонаж-природа», «персонаж-предметный мир», «персонаж-мифологема». Изучение данных конструкций позволяет установить авторские предпочтения в процессе семантизации/характеризации ЛМ (отождествление или сравнение), спектр образных характеристик, их соотношенность личностью автора, его художественным методом и с национальной культурой.

Библиография

- Анненский И.Ф., *Книги отражений*, Москва 1979.
Банников Н.В., *Жизнь и поэзия Бальмонта*, [в]: К.Д. Бальмонт, *Солнечная пряжа: Стихи, очерки* [Сост., предисл. и примеч. Н.В. Банникова], Москва 1989.
Воінава А.М., Палуян А.М., *Метафара ў творчасці М. Танка*, [в]: *Шамякінскія чытанні*

- «Письменнік – Асоба – Час»: матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мазыр 2011.
- Гуцалюк О.Н., *Типы и функции номинаций персонажа: (на материале романов М.А. Булгакова „Мастер и Маргарита” и В.В. Набокова „Лолита”)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01., Москва 2010.
- Жирмунский В.М., *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*: Избр. тр., Ленинград 1977.
- Землякова Н.А., *Устойчивые образные номинации человека структурно-семантический и лексикографический аспекты*, автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01, Краснодар 2005.
- Ибраев Л.И., *Слово и образ. К проблеме соотношения лингвистики и поэтики*, „Филологические науки” 1981, № 1.
- Иванюк Б.П., *Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования)*, Черновцы 1998.
- Ионова И.А., *Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии*, Кишинев 1989.
- Кисель Е.В., *Функциональная семантизация и характеристика личных местоимений*, „Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова” 2012, Серия А. Гуманитарные науки, № 2 (40), с. 95.
- Кураш С.Б., *Паэтычная метафорыка ў аспекце універсальнага і нацыянальна-спецыфічнага: (на матэрыяле беларускай і рускай паэзіі)*, [в]: *Восточные славяне: историческая и духовная общность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Общества Кирилла Туровского*, Гомель 2008.
- Леонид З., *Выразительный мир художественного произведения*, Москва 2001.
- Новак Е., *Гендерный компонент в языке поэзии русских и английских авторов XX в.*, [в]: *Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі*: сб. научн. статей, в. 4, Минск 2011.
- Маслова В.А., *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*, Москва 2001.
- Новалис, *Фрагменты*, [в]: *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*, Москва 1980.
- Сильман Т.И., *Синтаксико-стилистические особенности местоимений*, „Вопросы языкознания” 1970, № 4.
- Тынянов Ю.Н., *Проблемы стихотворного анализа*, Москва 1965.

Summary

The peculiarities of metaphoric functional semantization and characterization of personal pronouns in the lyrics of Russian and Belorussian poets of the XXth century

The semantics of personal pronouns, formed in the poetic text is being analyzed in the article. The constructions of a model as “pronoun-subject – substantive – predicate” with the help of which an image of metaphoric nomination of referent takes place, is being under study. The poetic texts of K. Balmont, V. Mayakovskiy, Y. Kupala, M. Tank, B. Ahmadulina and D. Bichel-Zagnetova are used as the object of research. The functional meta-

phoric semantization/characterization of personal pronouns is concerned as a means of image creation of the referent.

There are two basic varieties of the functional metaphoric semantization/characterization of personal pronouns in the poetic text: comparison and identification.

The author's preferences when using the main varieties of metaphoric semantization in the poetic text are being analyzed in the article. The attention is also paid to the main semantic types of referent's nomination which are referred to by Russian and Belarusian authors in the creation of pronoun-substantive metaphor.

Key words: *personal pronouns, reference, functional semantization, functional characterization, metaphoric nomination*